

Парижский наблюдательный пункт

Бюджет европейской ответственности

Мы публикуем статью наших французских товарищей из газеты L'Internationaliste.

Парламентские дебаты по проекту финансового закона 2025 года проходят под давлением европейских обязательств.

Чрезмерный дефицит

В июле Европейская комиссия запустила процедуру контроля за избыточным бюджетным дефицитом в отношении Франции, что уже испытали на себе Италия, Бельгия, Венгрия, Польша, Словакия и Мальта. Это первое применение данной процедуры после конца пандемического кризиса. Теперь французское правительство обязано представить план сокращения государственного дефицита.

По прогнозам, в 2024 году дефицит должен составить 6,2 %. Премьер-министр Мишель Барнье обязался снизить его до 5 % в следующем году и намерен вернуться к уровню ниже 3 % самое позднее к 2029 году. По мнению *Le Monde*, речь идёт о восстановлении «бюджетной благонадёжности в глазах наших европейских партнеров и кредиторов». Для этого правительство представило не самый детальный план, предусматривающий содействие всех политических сил в парламенте для конкретных повышений налогов и сокращения государственных расходов.

Провал макроэкономики

Вечерняя газета задаётся вопросом: «Как Франция за год перешла от первоначально прогнозируемых на 2024 год 4,4 % дефицита государственного бюджета к 6,1 %, которые нас ждут в итоге? Отклонение в 50 миллиардов евро – такое случалось разве что во времена экономических кризисов». Газета подозревает, что Эмманюэль Макрон был осведомлён о плачевном состоянии государственных финансов, когда объявил о роспуске парламента. Если вотум недоверия был бы объявлен, «*пусть этим занимается другое правительство*».

Бюджетная ситуация вызвала более широкие дебаты об экономической политике нынешнего президента, которую мы называли европейской реструктуризацией в счёт долга. *Le Figaro* утверждает, что провал государственных финансов не должен ставить под сомнение стратегию правительства в поддержку бизнеса, обычно называемую «*политикой предложения*». Она позволила значительно увеличить инвестиции и привлечь иностранный капитал. Тем временем *Les Echos* говорит о «*впечатляющем провале “макроэкономики”*». Ещё в 2017 году президент не считал дефицит «*главной проблемой французской экономики*», приоритетом было «*стимулировать рост, который слишком долго был анемичным, за счёт крупных структурных реформ*». Это должно было в конечном итоге оздоровить государственные финансы. По мнению экономической газеты, этот план давал свои плоды в первые пять лет, но «его истинная трещина» открылась на втором сроке. Елисейский дворец обманулся: «*Рост укрепился, безработица снизилась, но не в той степени, как ожидалось*». Налоговые поступления оказались особенно низкими в 2023 и 2024 годах. Ставка была «*вдвойне проигрышной*»: «*Эмманюэль Макрон дважды проиграл на выборах в июне и июле, а финансы продолжали идти ко дну*».

Le Monde выносит суровый приговор. Обозреватель Франсуаза Фрессо пишет, что бюджет 2025 года «*хоронит макронизм как альтернативу экономическим политикам, проводимым правыми и левыми*». И ещё: «*Балуя компании и инвесторов, отказываясь повышать налоги на богатых, Макрон надеялся сделать страну более привлекательной, положить конец массовой безработице и поставить Францию в авангард европейского строительства. Реальность же такова, что страна сейчас находится под строгим наблюдением рейтинговых агентств и вынуждена договариваться с Брюсселем об отсрочке возвращения своего дефицита в рамки европейских критериев. Любому её представителю было бы сейчас сложно навязывать линию в международных делах*».

Итальянизация

В статье, опубликованной в *Les Echos*, бывший европейский комиссар Тьерри Бретон напоминает, что в 1974 году государственный долг Франции составлял всего 14,5 % –

против 112 % сегодня. По его мнению, *«прибегание к долгу – то есть к будущим поколениям – для неустойчивого финансирования нашей социальной модели, последствий непредвиденных шоков и иногда даже экономического и политического авантюризма стало за последние пятьдесят лет особенностью Франции»*.

Париж страдает от *«зависимости от долга»*. Призрак “итальянского” отклонения оживляет политические дебаты. Вопрос о *спреде* – разнице между национальными и немецкими процентными ставками – за которым во Франции не очень следят, может стать регулярным элементом политической жизни страны.

Правительство меньшинства

Новое правительство, сформированное и представленное публично в конце сентября, уполномоченное утвердить бюджет 2025 года, находится в меньшинстве в Национальном собрании. Хотя это и не “сожительство”, президенту и премьер-министру не удалось расширить коалицию и включить в неё левых. Правительство в основном состоит из представителей партии Макрона и правых. Коалиция Нового народного фронта (ННФ) выступила с вотумом недоверия, который Национальное объединение (НО) не поддержало. Именно последнее подпитывает надежды на прохождение голосования по бюджету. Если НО не проголосует против, Барнье бы смог выйти из тупика. Если бы это произошло, бюджет, принятый под знаком “европейской ответственности”, наложил бы обязательства и на НО, которое таким образом доказало бы свою совместимость с европейской повесткой. Частичная переориентация партии Марин Ле Пен изменила бы координаты французского парламентского кризиса. Тем не менее, Франции всё равно пришлось бы столкнуться с эндемическим дисбалансом своих государственных финансов по отношению к европейским правилам. Это фактически ограничивает ее амбиции оставаться политической столицей Европы.

Восемь правых

В обстоятельствах политических мутаций в Европе и в связи с возвращением правых к власти во Франции нам кажется необходимым немного углубиться в политическую историю этого течения.

Для этого мы используем некоторые элементы анализа, разработанного историком Жилем Ришаром, который в 2017 году опубликовал “Историю правых во Франции”. Автор критикует классическое деление правых на три течения, предложенное Рене Ремоном: легитимисты, орлеанисты и бонапартисты – версию, которая была затем обновлена добавлением четвёртой компоненты, чтобы включить течение Ле Пен. Ришар перечисляет около пятнадцати французских политических семей, возникших после Революции, восемь из которых классифицируются как правые: легитимисты, орлеанисты, бонапартисты, республиканцы-либералы, националисты, христианские демократы, аграрии и голлисты. *«Большинство этих семей сейчас в упадке, и некоторые даже на грани окончательного вымирания»*. Однако больше, чем когда-либо, стоит учитывать вес двух течений: либералов и националистов. *«В течение последних трёх десятилетий Франция вступила в новую фазу своей политической истории [...] из-за серии больших потрясений (“третья промышленная революция”, массовая безработица, интеграция-растворение нации в Европейском союзе, конец холодной войны)»*. Ранее политическая жизнь правых характеризовалась конкуренцией между голлистами и либералами. Эти два мира были *«неотделимы друг от друга»*, электоральные сдвиги *«были частыми и иногда массовыми»*, а коалиционные правительства – регулярностью.

Автор выделяет окончательную победу либерального течения с избранием Валери Жискар д’Эстена на пост президента в 1974 году, отмеченном *кризисом реструктуризации* и первыми сигналами *либеристского* цикла. Что касается голлистской партии (ОПР), *«неолиберальный поворот, начатый в 1980 году в экономической сфере, подтвердился»* со временем. *«Присоединяясь к неолиберализму и европейской интеграции, лидеры ОПР решили охотиться на том же идеологическом поле, что и СФД»*, партия Жискар д’Эстена. В 2002 году мощная неолиберальная партия возникла из слияния двух исторических течений правых в послевоенный период – Союз за народное движение (СНД). Этой конвергенции к либеральному и европейскому горизонту соответствовало возрождение

националистического течения вокруг Национального фронта. *«Национальный вопрос постепенно вышел на первый план как новая центральная ставка, водораздел в системе партий»*. НФ в какой-то степени взял на себя “роль трибуна”, которую ФКП играла в годы цикла государственного капитализма.

Кроме эволюции разделений между течениями правых, мы также можем найти элементы трений между неолибералами и националистами. Выбор между альянсом с НФ или заимствованием его политической программы всегда мучил так называемую “правительственную” правую. По мнению Ришара, даже если Жак Ширак вошёл в историю как основатель “санитарного кордона” против НФ справа, реальность сложнее. Ещё в 1986 году, будучи премьер-министром, он решил применить часть программы НФ. Его министр внутренних дел Шарль Паскуа сформулировал лозунг *«нет врагов справа»*. Даже либералы из СФД действовали на электоральном поле националистов. Кроме того, мы отмечаем, что эта политическая семья переработала многих ультраправых активистов антиголлистских традиций и ностальгирующих по Французскому Алжиру.

Мобильность

Альянсы между неолиберальным и националистическим течениями никогда не реализовывались полностью, но всегда была определённая гибкость по некоторым вопросам, особенно по безопасности и иммиграции. Национальный вопрос всегда разделял правительственную правую, как это было видно в кампании вокруг референдума 1992 года по Маастрихтскому договору.

В 2000-х годах Николя Саркози *«был на одной волне с Аленом Жюппе, сторонником санитарного кордона между СНД и НФ, но в то же время, как Шарль Паскуа, отказывался исключать избирателей Национального фронта»*. Эта политическая тактика шла рука об руку с выраженным европейским и западным активизмом. В 2009 году Саркози вернул Францию в интегрированное командование НАТО.

Даже националистическое течение раскололось. Брюно Мегре, номер два НФ в 1990-х годах, вызвал раскол, пытаясь сделать НФ *«правлящей партией»*, уведя с собой большинство руководящих кадров. Но этот шаг провалился перед упорством Жан-Мари Ле Пена и других правых партий.

Этот краткий обзор служит для нас предупреждением, что не стоит недооценивать возможные мутации политических позиций партий, даже если гипотетическое объединение либеральных и националистических правых и будет чем-то новым.

Октябрь 2024 г.